

Конституционный кризис осени 1993 года превратился в такую веху современной российской истории, о которой, в общем-то, неловко вспоминать. Впрочем, в контексте недавнего юбилея ему и внимание уделялось соответствующее. Удивительным образом сказанное затрагивает как тех, кто победил в той миниатюрной гражданской войне, так и тех, кто потерпел в ней поражение. Последним – в октябре 1993-го отечественное телевидение прозвало их «красно-коричневыми» – мысленно возвращаться в те дни несподручно, поскольку их поведение оказалось тогда, мягко говоря, диковатым. Как поэтически высказался один из современников, откликаясь на весьма похожий повод: «Ой, ты, звонкое монисто, пушки заряжены... / Сопляки вы, коммунисты. Мальчики. Пижоны». Смущающим представляется и еще одно обстоятельство: спустя всего пару месяцев они приняли все правила игры, навязанные победителями. Если же говорить о стороне, взявшей тогда верх – кстати, в изображении СМИ у этого лагеря цветовые маркеры отсутствовали, что, вероятно, должно было символизировать чистоту его помыслов, – то в те дни, когда на Краснопресненской набережной догорал последний этаж цитадели народовластия, многие ее соратники даже представить не могли, чем через тридцать лет обернется их победа для нашей страны и всего мира, а также, что немало важно, для них самих.

**ПОВОРОТ НЕ ТУДА.
К 30-ЛЕТИЮ
ПОЛИТИЧЕСКОГО
КРИЗИСА 1993 ГОДА**

На протяжении 1992–1993 годов в России шел более или менее нормальный институциональный процесс, содержанием которого была подготовка двух конкурирующих проектов Конституции, условно называемых «парламентским» и «президентским». Эти ярлыки не только отсылают к силам, продвигавшим каждую из инициатив, но и фактически описывают суть проектов: один тяготел к выстраиванию в России парламентской, а другой – президентской республики. При естественном конституционном развитии на свет, несомненно, родилось бы что-то среднеарифметическое, комбинация – в тех или иных дозах – первого и второго. Если бы дело пошло по этому пути, а совершенствование государственно-правовой системы продолжалось бы в условиях политической конкуренции, то сегодня скорее всего в нашей стране была бы совсем другая Конституция и, соответственно, другой политический режим. И, конечно же, многим из нас теперь не пришлось бы, открывая утренние новости, мучиться неизбывными страхами, которых с каждым днем все больше и больше. Но, что называется, получилось, как получилось.

Осенью 1993 года завершилась перестройка, провозглашенная Михаилом Горбачевым весной 1985-го. Процессы демократизации громко закончились отбрасыванием парламентского проекта Конституции за ненадобностью и возвращением к моноцентричной модели власти.

Однако что же тогда произошло – в сухом остатке? В самом общем смысле осенью 1993 года завершилась перестройка, провозглашенная Михаилом Горбачевым весной 1985-го. Процессы демократизации, до сей поры с разной степенью последовательности и интенсивности набравшие обороты, громко закончились отбрасыванием парламентского проекта Конституции за ненадобностью и возвращением к моноцентричной модели власти, для России в равной мере привычной и порочной. Ее очередным оформлением стал торопливо дописанный и столь же спешно легитимированный на декабрьском референдуме конституционный текст, в отдельных своих частях очень напоминавший Основные государственные законы Российской империи 1906 года. Конституция сделала Президента Российской Федерации солнцем, вокруг которого вращаются остальные планеты политической системы. Это обстоятельство затмевало всю демократическую риторику, которой был

перенасыщен текст главного закона страны. Заботливое культивирование «отцами-основателями» одного и единственно по-настоящему важного института уже содержало в себе провозвестие нового авторитарного строя, который, собственно, не заставил себя ждать. Осень 1993-го в новейшей истории России остается капитально недооцененной; это пренебрежение трудно оправдать, поскольку именно в те две сентябрьские и октябрьские недели было предрешено возвращение страны к модели почти несменяемой и почти единоличной власти – со всеми ее бесчисленными и многократно изобличенными, причем на материалах всего мира, минусами и дефектами.

Можно ли было обойтись без потрясения конституционных основ и балансирования на кромке гражданской смуты? Представляется, что такой путь не исключался. Выбрать его, однако, не удалось, что в немалой степени объяснялось крайне низким качеством нового (старого?) управленческого класса, не умеющего ценить демократическую легитимность и ведущего себя на развалинах СССР подобно элитам постколониальных стран, после ухода бывших хозяев бросившихся с энтузиазмом набивать собственные карманы. Уместно повторить: 1993-й важен потому, что он предвосхитил очень многое из последующего. Иначе говоря, вовсе не смена персоналий, состоявшаяся через несколько лет, поставила Россию на иные рельсы – логика была прямо обратной: иные рельсы, уложенные Конституцией 1993 года, привели государство к этим самым новым персоналиям. Последствия рокового поворота, случившегося три десятилетия назад, многогранны, а знаменательная годовщина – прекрасный повод попытаться их упорядочить. Именно этим и занимаются авторы нижеследующей коммеморативной рубрики. [НЗ]

